

УДК 821.161.1

Образ Григория Мелехова в культурологическом освещении: гипотетический взгляд из XXI века

Стопченко Николай Иванович

Доктор культурологии, профессор,
Донская академия наук юных исследователей им. Ю.А. Жданова,
344006, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 55;
e-mail: nikis.don@yandex.ru

Аннотация

В данной статье впервые в отечественном шолоховедении анализируется с культурологической позиции центральный персонаж романа М.А. Шолохова «Тихий Дон». Образ Григория Мелехова, носителя русской и турецкой крови, глубоко философски осмыслен автором, будучи напрямую связанным с преемственностью традиций русской общественной мысли, классической литературы и искусства, прежде всего, с творчеством А.С. Пушкина. «Сын гармонии» утверждал необходимость сближения Запада и Востока как важнейшую проблему их равновесия в судьбах русской истории и культуры. Творчески наследуя её, М.А. Шолохов передал в «Тихом Доне» гармоническое равновесие в происхождении Григория Мелехова, утверждая его «обаяние человека».

Для цитирования в научных исследованиях

Стопченко Н.И. Образ Григория Мелехова в культурологическом освещении: гипотетический взгляд из XXI века // Язык. Словесность. Культура. 2017. Т. 7. № 6. С. 27-36.

Ключевые слова

Носитель «обаяния человека», культурологическое освещение персонажа, донское казачество, ключевая фигура, «сын гармонии», сближение Запада и Востока, вечные образы, гармоническое равновесие, чистокровный реализм, искусство правды жизни.

«Григорий Мелехов – как Фауст, Гамлет, Анна Каренина – один из тех великих образов мировой литературы, о которых спорят на всём протяжении истории культуры, за которые борются».

Хельга Конрад, Германия

Введение

О носителе «обаяния человека» Григории Мелехове в великом эпосе М.А. Шолохова «Тихий Дон» написано множество разнообразных по жанру работ и исследований [см., в частности: Муравьева, 2007; Желтова, 2005]. Пожалуй, вся драматическая жизнь *героя-правдоискателя*, связанная с историей его семьи и бытом донского казачества, масштабными событиями в России и мире, своеобразием характера и менталитета, основательно изучена литературоведами и критиками.

Но одна важнейшая деталь в его происхождении и особенно её *культурологическое значение* как-то выпали из их поля зрения: что хотел сказать автор, избрав центральным персонажем Григория Мелехова, в жилах которого, кроме русской, казачьей, текла турецкая, восточная, кровь. Только ли потому, что некоторые донские казаки на первых порах своей истории нередко брали в жёны женщин Востока, а один из его прототипов Харлампий Ермаков имел среди предков бабу-турчанку?

Такой выбор родословной героя, думается, далеко не случаен, ибо автор «Тихого Дона» шёл к нему сложным и противоречивым путём, глубоко философски продумав и *напрямую связав с творческой преемственностью традиций русской классики*, прежде всего, с наследием незабвенного А.С. Пушкина.

А. Пушкин – ключевая фигура русской культуры

«Сын гармонии», по утверждению многих деятелей Серебряного века, был не только гениальным поэтом, но и *ключевой, определяющей фигурой всей русской культуры*. «Он вобрал в себя достижение предшествующего периода развития русского национального духа и породил мощное, незатухающее, когерентное излучение, осветившее всё будущее русской культуры, – пронизательно скажет о нём крупный учёный-химик и гуманитарий Ю.А. Жданов, подтверждая тем самым нашу культурологическую гипотезу-догадку. – От него исходит *мощный импульс синтеза культур Запада и Востока*» [Жданов, 2009, 270]. Данный вывод методологически убеждает нас в углублённом *культурологическом понимании* образа Григория Мелехова.

Глубоко воспринимавшему дух античной и ренессансной культуры, Пушкину, как известно, были также близки художественные, нравственные и эстетические ценности Востока, что наглядно выразилось во множестве его творений. Таковы «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «Египетские ночи», «Подражание Корану», «Путешествие в Арзрум», «Цыганы», «Пророк», стихотворения и публицистические заметки, в которых отражены богатые связи с мусульманским, иранским, арабским, библейским Востоком. «Фактически Пушкин вместе с Гёте («Западно-восточный диван») *заложил основы* понимания Ренессанса *в единстве его западной и восточной ветвей*», – справедливо фиксировал

Ю.А. Жданов [там же, 271]. С полной уверенностью можно утверждать, что завещанная Пушкиным концепция не только не утратила своего значения, но и приобрела в последующем особую актуальность.

Являясь современником и другом знаменитого русского философа П.Я. Чаадаева, разделяя во многом его взгляды, Пушкин не мог не обратить внимания на характерную социокультурную специфику и сложности в исторических взаимоотношениях между Востоком и Западом. В вышеназванных произведениях Поэт даёт это понять как в открытой форме, так и скрытно, в глубинах подтекста. Чаще всего речь шла не только о сближении Запада и Востока, но, прежде всего, *о важнейшей проблеме их равновесия* в судьбах русской истории и культуры, ибо нарушение в жизни России вожделенного равновесия ведёт к большой смуте, как было при Борисе Годунове и Екатерине II.

Завещанная русским Поэтом *необходимость гармонического равновесия Запада и Востока* – характерная черта многих лучших отечественных художников, его последователей и преемников. Она проходит сквозным мотивом через всё творчество М. Лермонтова, даёт себя знать в музыке М. Глинки и Н. Римского-Корсакова, в изобразительном искусстве В. Верещагина и во многих других произведениях русской литературы и искусства.

Пограничное положение России и русской культуры между Востоком и Западом, вызванные данной причиной внутренние противоречия и известные сложности социокультурной истории, русского национального характера и менталитета явились источником вековых идеологических дискуссий и конфликтов западников и славянофилов, сторонников и противников реформ, либералов и консерваторов, демократов и коммунистов. Глубокая закономерность сказывается и в том, что названные проблемы всегда находились в русле мировоззренческих исканий многих выдающихся деятелей русской культуры вплоть до наших дней.

Евразийская идея в судьбе России

На рубеже XIX – XX веков, когда противоречия мировой колониальной системы между Востоком и Западом достигли высокого накала и стали носить непримиримый характер, известный английский писатель Р. Киплинг ошибочно сформулировал свой «категорический императив»: Запад есть Запад, Восток есть Восток, и им не сойтись никогда. После начавшегося ухода с исторической арены колониальных отношений давняя мечта лучших умов России об их сближении стала приобретать конкретные очертания.

Наибольший вклад в изучение контаминации и диффузии восточных и западных начал в русской культуре 1920-1930-х годов, знакомый, разумеется, и Шолохову-мыслителю, внесли *деятели Евразийского движения* Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Г.В. Вернадский и некоторые другие. Основные идеи *евразийства* как идейно-политического и общественного учения опубликованы Н.С. Трубецким в работе «Европа и человечество» (1920). Теоретики-

евразийцы выдвинули своё видение философии русской истории, в центре которой утверждение о том, что Россия – особая страна, органически соединившая в себя элементы Запада и Востока. Под Евразией они понимали некую срединную часть материка (не включающую территорию Западной Европы) с её географически-пространственными, климатическими особенностями, растительным и животным миром, которые рассматриваются как основа хозяйственной и политической жизни народов России, «месторазвитие» своеобразной русско-евразийской культуры. Основываясь на геосоциологических взглядах С.М. Соловьёва, В.О. Ключевского и Н.Я. Данилевского, сторонники евразийства выводят из пространственно-территориального единства России-Евразии общность исторического развития населяющих её народов, близость их культур, этнопсихологического типа, религиозных взглядов, языков и наличие прочных политических связей.

Встреча Запада с Востоком во многом зависит от способности обеих сторон понять друг друга. В контексте притяжения и отталкивания цивилизаций *обязательство понимания* становится принципиально двусторонним, причём в двух смыслах: стремиться понять другого, углубляя понимание самого себя и побуждая его к ответному пониманию. *Взаимопонимание* является необходимым, хотя и недостаточным условием совместной жизни на планете. Разумеется, оно не является абсолютной гарантией мирного и продуктивного сосуществования разных культур и цивилизаций. И всё-таки условия самой *возможности взаимопонимания* между столь различными мирами, думается, заключается в том, что именно *культурная самодостаточность* и духовная полнота есть то, что побуждает к настоятельной *потребности приблизиться к иному*, понять его, вступить с ним в диалог. В данном смысле цивилизации Востока, Запада и России способны понять друг друга.

Идеи основательно разработанного историко-географического синтеза предстают значительным вкладом евразийцев в *россиеведение*, позволяющим *по-новому осмыслить* как прошлое, так и будущее развитие нашей страны. В историософии и исторических исследованиях евразийства выделяется осмысление истории Евразии как ряда попыток создания единого общеевразийского государства (Монгольская империя, Московская Русь, Российская империя, СССР, современная Россия). Евразийское движение становится не только историей отечественной мысли, ибо интерес к нему возрастает как в России, так и за рубежом. Евразийство остаётся в истории общественного сознания свидетельством напряжённых поисков нашими соотечественниками путей к новой и счастливой жизни. В нём своеобразно проявляется мечта многих поколений русских мыслителей о воссоединении культур, церквей, *о всеедином человечестве*, сохраняющем национально-индивидуальные черты. Как завещание звучат слова известного историка Л.Н. Гумилёва, сказанные незадолго до его кончины: «Если Россия будет спасена, то *только через евразийство*» [Гумилёв, 2003, 402].

Размышляя о месте России на планете, утверждал философ и литературовед В.В. Кожин, «уместно сказать, что её евразийское единство, в самом деле, является общечелове-

ской или, употребляя слово Достоевского, *всечеловеческой ценностью*, которая, будем надеяться, ещё сыграет свою благотворную роль в судьбах мира» [Кожин, 2000, 202]. На фоне культурно-исторического развития Востока и Запада, Латинской Америки и Славянского мира своеобразие евразийского цивилизационного развития России заключается в том, что формой интеграции на базисно-смысловом уровне отечественной культуры выступают её принадлежность к европейско-христианской цивилизации и вместе с тем представленность в социальной системе традиционного восточного способа производства. Феномен России – в земном воплощении специфической роли провиденциального «задания» её в мире среди культур других народов, в новой исторической силе, проявляемой в оживлении, одухотворении, соединении двух начал, осуществлённых Востоком и Западом: гармоничный синтез духа и материи, общего и индивидуального в свете особенностей национального характера русского народа. В русле данной концепции формируется сегодня на межгосударственном уровне *Евразийский Союз*, на спасительную жизненность которого уповают выдающиеся деятели культуры России.

Григорий Мелехов как выразитель гармонического равновесия в судьбах русской истории и культуры

Шолохов, творчески наследуя названную классическую традицию, впечатляюще передал в «Тихом Доне» *гармоническое равновесие в родословной* Григория Мелехова. Автографы и авторизованные списки двух первых книг романа свидетельствуют о мучительно сложных художественных и социальных поисках молодого писателя, связанных не только с его сюжетом, именами действующих лиц, но и *культурологическим наполнением* основного персонажа [Шолохов, 2011], носителя двух кровей. Так, отвечая на вопрос ростовского исследователя К.И. Приймы «А как пришла мысль в первой главе изобразить судьбу казака Прокофия и его жены-турчанки?», автор «Тихого Дона» ответил: «Всё бралось из жизни. У нас многие казаки имели жён иноплемённых. В станице Каргинской один казак привёл себе в жёны калмычку. И хорошо жил. У Ермакова Харлампия бабка была турчанка. А мою родню по материнской линии в хуторе называли «татарчуки». Знать, было в роду что-то и от татар!» [Прийма, 2011, 164].

При этом в облике Григория, как и его отца Прокофия Пантелеевича, явно преобладают черты, унаследованные от бабки-турчанки, имени которой читатель даже не знает. В его внешности «*восточное*» даёт себя знать уже на первых страницах «Тихого Дона»: «С тех пор и пошла турецкая кровь скрещиваться с казачьей. Отсюда и появились в хуторе горбоносые, диковато-красивые казаки Мелеховы, а по-уличному – Турки... Григорий в отца поплёр: вислый коршунячий нос, в чуть косых прорезях подсинённые миндалины горячих глаз, острые плиты скул обтянуты коричневой румянеющей кожей. Так же сутулился Григорий, как и отец, даже в улыбке было у обоих общее, звероватое» [Шолохов, 1975, т. 1, 15].

Известный литературовед и историк С.Н. Семанов правомерно уточняет родословную Григория: «Скорее всего, речь должна идти не о турецкой женщине в точном этническом смысле слова... В те же годы (имеется в виду война с Турцией и её союзниками в 1853-1856 гг. – Н.С.) шла ожесточённая война на Северном Кавказе против государства Шамиля, выступавшего в союзе с Турцией. Казаки и солдаты нередко в те времена женились на женщинах из числа северокавказских народностей. Следовательно, бабка Григория, скорее всего, оттуда» [Семанов, 2006, 8]. И С.Н. Семанов находит убедительные доказательства своей версии в самом тексте «Тихого Дона». Петро после ссоры с братом в сердцах кричит Григорию: «Чёрт бешеный! Вот в батину породу выродился, истованный *черкесюка!*» [Шолохов, 1975, т. 1, 81]. Вполне вероятно, полагает исследователь, что бабка обоих братьев именно *черкешенка*, красота и стройность которых издавна славились на Кавказе и в России. Ещё более убедительный пример связан со старым многоопытным генералом Листницким, запомнившего Пантелея Прокофьевича по службе в Атаманском полку и выразившего точный этнический признак: «Хромой такой, из *черкесов?*» [там же, 168].

Кроме внешнего сходства со своими предками, Григорий, воспитанный в духе казачьей доблести и удали, перенял и особенности родового характера: хозяйственность и трудолюбие, гордость и независимость, свободолюбие и своеволие. Он выделяется храбростью, горячностью в поступках, глубиной чувств, добротой и нежностью с любимыми женщинами. Григорий «крепок кровью» и потому по-своему «энергоустойчив», что позволяет ему выдержать невиданные перегрузки эпохи. Когда говорят «Мелехов», то сразу возникает ассоциация о самобытной человеческой уникальности, что дало основание для авторского определения «обаяние человека».

Как все большие художники, Шолохов видел мир универсальным в историософском плане. И его герой как основной «мотор» движения романа, сопрягает все аспекты представленного в нём бытия. Сопряжения личности и рода, личности и социума, личности и истории позволяют писателю развернуть через неё масштабные «горизонталы» и «вертикалы».

Русский гений оставил мировой культуре в галерее «вечных образов» Григория Мелехова, идейного носителя авторского замысла в философской глубине его исканий, «хождений по мукам» и понимании «Тихого Дона». Потому шолоховский Мелехов предстаёт художественным образом гигантских обобщений, в котором воплотились черты и опыт не только человека России, но и многих немецких, польских, латиноамериканских и иных «Мелеховых», простившихся со старыми идеалами и ищущих новые духовные опоры. Так, немецкий славист Хельга Конрад утверждала в острых дискуссиях с оппонентами: «Григорий Мелехов – как Фауст, Гамлет, Анна Каренина – один из тех великих образов мировой литературы, о которых спорят на всём протяжении истории культуры человечества, за которые борются» [Conrad, 1968, 354]. В его образе, как и в названных образах-типах, воплотились как национальные, так и всечеловеческие черты.

Эпохальная проблематика «Тихого Дона», выразившая с исключительной идейно-художественной глубиной и жизненной правдой подвиг и трагедию самого крупного исторического события XX века – русской революции – оказалась весьма притягательной и инонациональному, особенно немецкому, сознанию в глобально меняющемся мире: в послевоенной Германии появилось «немецких Мелеховых» гораздо больше, чем в любой другой точке земного шара.

Заключение

Основательно проникая в жизнь российского общества, «Тихий Дон» и его центральный персонаж, подчеркнём, стали философско-историческим ключом к эпохе. В традициях русского «чистокровного реализма» и «искусства правды жизни» философия эпопеи таится в глубинах подтекста, в духовных метаниях персонажей, передающих шолоховское видение человека, общества и мира природы в их естественном бытии, движении и перспективе.

Обладая «очарованием человека», Григорий открыл вместе с тем характерный для социокультурной жизни XX–XXI столетий *тип ищущих* правду и Истину, «блуждающих» и «приходящих» героев, что правомерно вводило его в галерею «вечных образов» мировой литературы и искусства. В частности, немецкий филолог-славист Хельга Гертинг фиксировала его статус: «Образ Мелехова *учит нас*, что чрезвычайно важно для развития человека, на что он должен решиться в социальных столкновениях нашего времени. Помочь читателям найти правильное решение было потребностью развивающейся литературы после крушения фашизма в нашей части Германии» [Herting, 1968, 7].

Глубоко драматичны духовные искания Григория Мелехова, осознавшего, что «неправильный у жизни ход», что «и он в этом виноватый», что «некому исцелить казачьи обиды». Четыре крупных исторических события («германская» война 1914-1918 годов, две российские революции, гражданская война) грозно коснулись всех сторон национальной жизни и всех граней бытия отдельного человека, наиболее сильно – *самосознания* Григория Мелехова, ставшего «на грани в борьбе двух начал, отрицая оба их» [Шолохов, 1975, т. 3, 255]. Благодаря таким характерам, Россия продолжила своё историческое существование.

Государство-континент, она несёт в себе великую культурно-историческую потенцию формирования *евразийского единства*, реализуемую на протяжении веков в русской литературе и искусстве [Костин, 2012; Дырдин, 2015]. За частным фактом в родословной Григория Мелехова писатель-классик предложил современникам и потомкам осмыслить геополитическую и социокультурную судьбу России, внося свой вклад в мечту о воссоединении культур, о всеедином человечестве, сохраняющем национально-индивидуальные черты. Наш гипотетический взгляд на неё из нового столетия дал возможность увидеть в личности Шолохова-художника приверженца жизнотворных евразийских идей.

Библиография

1. Гумилёв Л.Н. Чтобы свеча не погасла. М., 2003. 560 с.
2. Дырдин А.А. Наследие Михаила Шолохова и национальное самосознание // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 2015. № 4. С. 27-31.
3. Жданов Ю.А. Государство-континент // Жданов Ю.А. Избранное: В 3 т. Т. 2. Ростов-на-Дону, 2009. С. 265-273.
4. Желтова Н.Ю. Характер Григория Мелехова в парадигматике национальной аксиологии воли и свободы // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2005. № 2 (38). С. 20-22.
5. Кожин В.В. Россия как цивилизация и культура // Наш современник. 2000. №№ 5, 7.
6. Костин Е.А. Философские пролегомены русской литературы. Шолохов // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 2012. № 1. С. 41-47.
7. Муравьева Н.М. Образ Григория Мелехова в системе символов романа-эпопеи М. А. Шолохова «Тихий Дон» // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. № 4 (48). С. 124-129.
8. Прийма К.И. С веком наравне. Статьи о творчестве М.А. Шолохова. Ростов-на-Дону, 2011. 221 с.
9. Семанов С. «Тихий Дон»: «белые пятна». Подлинная история главной книги XX века. М., 2006. 416 с.
10. Шолохов М.А. «Тихий Дон». Динамическая транскрипция рукописи. М.: ИМЛИ РАН, 2011. 879 с.
11. Шолохов М.А. Собр. соч.: В 8 т. М.: Правда, 1975.
12. Conrad H. Zu den jüngsten Auseinandersetzungen um Michail Solochovs Geschichts- und Menschenkonzeption // Zeitschrift für Slawistik. Bd. XV. H. 3. Berlin, 1968. S. 354-449.
13. Herting H. Das sozialistische Menschenbild in der Gegenwartsliteratur. Berlin, 1968. 78 S.

The image of Grigory Melekhov in the cultural lighting: hypothetical view from the XXI century

Nikolai I. Stopchenko

Doctor of cultural studies, professor,
Don Academy of Sciences for Young Researchers named after Y.A. Zhdanov,
344006, 55 Bolshaya Sadovaya st., Rostov-on-Don, Russian Federation,
e-mail: nikis.don@yandex.ru

Abstract

In this article, for the first time in the Russian Sholokhov studies, the central character of Sholokhov's novel *And Quiet Flows the Don (Tikhii Don)* is analyzed from the cultural studies standpoint. The image of Gregory Melekhov, the bearer of Russian and Turkish blood, is deeply philosophically comprehended by the author, being directly connected with the continuity of the traditions of Russian social thought, classical literature and art, primarily with the works of A.S. Pushkin. "The son of harmony" claimed the need to bring the West and the East closer together as the most important problem of their balance in the fate of Russian history and culture. Creatively inheriting the tradition, Sholokhov conveyed in *And Quiet Flows the Don* the harmonic balance in the origins of Grigory Melekhov, asserting his "man's charm". Possessing the "man's charm", Gregory at the same time discovered the type of true and truth-seeking "wandering" and "coming" heroes characteristic of the socio-cultural life of the 20th and 21st centuries, which legitimately introduced him into the gallery of "eternal images" of world literature and art. In a particular fact in Grigory Melekhov's pedigree, the writer-classic invited contemporaries and descendants to comprehend the geopolitical and sociocultural destiny of Russia, contributing to the dream of the reunification of cultures, of a one-man humanity that preserves national-individual traits.

For citation

Stopchenko N.I. (2017) Obraz Grigoriya Melekhova v kul'turologicheskom osveshchenii: gipoteticheskii vzglyad iz XXI veka [The image of Grigory Melekhov in the cultural lighting: hypothetical view from the XXI century]. *Yazyk. Slovesnost'. Kul'tura* [Language. Philology. Culture], 7 (6), pp. 27-36.

Keywords

The "man's charm", the cultural seeing of the character, the Don Cossacks, the key figure, the 'son of harmony', the rapprochement of the West and the East, eternal images, harmonious balance, thoroughbred realism, the art of the truth of life.

References

1. Conrad H. (1968) Zu den jüngsten Auseinandersetzungen um Michail Solochovs Geschichts- und Menschenkonzeption. *Zeitschrift für Slawistik*, XV (3), pp. 354-449.
2. Dyrdin A.A. (2015) Nasledie Mikhaïla Sholokhova i natsional'noe samosoznanie [The legacy of Mikhail Sholokhov and the national identity]. *Vestnik Ul'yanovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Ulyanovsk state technical university], 4, pp. 27-31.
3. Gumilev L.N. (2003) *Chtoby svecha ne pogasla* [So that the candle does not go out]. Moscow.

4. Herting H. (1968) *Das sozialistische Menschenbild in der Gegenwartsliteratur*. Berlin.
5. Kostin E.A. (2012) Filosofskie prolegomeny russkoi literatury. Sholokhov [Philosophical prolegomena of Russian literature. Sholokhov]. *Vestnik Ul'yanovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of Ulyanovsk State Technical University], 1, pp. 41-47.
6. Kozhinov V.V. (2000) Rossiya kak tsivilizatsiya i kul'tura [Russia as a civilization and culture]. *Nash sovremennik* [Our contemporary], 5, 7.
7. Murav'eva N.M. (2007) Obraz Grigoriya Melekhova v sisteme simvolov romana-epopei M.A. Sholokhova "Tikhii Don" [The image of Grigory Melekhov in the system of symbols of the Sholokhov's epic novel *And Quiet Flows the Don*]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Tambov University. Series: The humanities], 4 (48), pp. 124-129.
8. Priima K.I. (2011) *S vekom naravne. Stat'i o tvorchestve M.A. Sholokhova* [With the century on a par with. Articles about the work of MA. Sholokhov]. Rostov-on-Don.
9. Semanov S. (2006) "Tikhii Don": "belye pyatna". *Podlinnaya istoriya glavnoi knigi XX veka* [*And Quiet Flows the Don*: "white spots". The true story of the main book of the twentieth century]. Moscow.
10. Sholokhov M.A. (1975) *Sobranie sochinenii* [Complete works]: in 8 vols. M.: Pravda, 1975.
11. Sholokhov M.A. (2011) "Tikhii Don". *Dinamicheskaya transkriptsiya rukopisi* [*And Quiet Flows the Don*. Dynamic transcription of the manuscript]. Moscow: IMLI RAN Publ.
12. Zhdanov Yu.A. (2009) Gosudarstvo-kontinent [State-continent]. In: Zhdanov Yu.A. *Izbrannoe* [Selected works], vol. 2. Rostov-on-Don, pp. 265-273.
13. Zheltova N.Yu. (2005) Kharakter Grigoriya Melekhova v paradigmатике natsional'noi aksiologii voli i svobody [The character of Grigory Melekhov in the paradigm of national axiology of will and freedom]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Tambov University. Series: The humanities], 2 (38), pp. 20-22.